

Чувствуя холодный и отчужденный тон Шэнь Лантина, Мэн Цзиньчэнь на мгновение застыл, но тут же взял себя в руки. Он вошел в дом, оглядываясь по сторонам, и с улыбкой произнес:

— Первым делом, как вернулся, пришел навестить тебя. Я ведь хороший друг, правда?

Его бесцеремонность заставила Шэнь Лантина недовольно прищуриться.

— Уходи, — отрезал он.

— Лантин, не будь таким, — Мэн Цзиньчэнь не обратил на его слова никакого внимания. Он нагло разглядывал обстановку, пока его взгляд не остановился на бутылочке для кормления, стоявшей на журнальном столике.

Заметив это, он едва заметно прищурился и снова посмотрел на Шэнь Лантина, чей взгляд был холоднее льда. Шэнь Лантин был явно не рад гостю: он распахнул входную дверь и указал на выход:

— Вон отсюда.

Улыбка окончательно сползла с лица Мэн Цзиньчэня. Ему потребовалось время, чтобы прийти в себя. Он представлял себе эту встречу тысячи раз, полагая, что Шэнь Лантин встретит его так же тепло, как и он сам, и что все, что было в прошлом, давно стерлось временем. Но реальность оказалась иной: на лице Шэнь Лантина не было ни радости, ни оживления — лишь отчуждение и презрение. Он даже уловил в глазах мужчины отвращение.

Мэн Цзиньчэнь не хотел принимать это. Опираясь на их былую дружбу, он верил, что у него еще есть шансы. Спустя пару секунд он снова натянул улыбку:

— Лантин, ты же знаешь, я вернулся только ради тебя.

Мэн Цзиньчэнь сделал шаг навстречу, остановившись почти вплотную. Его взгляд, устремленный на Шэнь Лантина, был почти безумным, жадным, он словно пытался впитать запах мужчины.

— Как ни крути, мы выросли как братья, — он начал давить на чувства, сделав паузу и добавив в голос нотки двусмысленности. — К тому же, мы были ближе, чем просто братья. По-человечески, тебе незачем быть таким жестоким.

Не довольствуясь этим, Мэн Цзиньчэнь потянулся к отцу и ребенку, широко разведя руки и улыбаясь Бэньбэню:

— Иди сюда, дай дяде обняться. Лантин, еще несколько месяцев назад Толстяк говорил, что у тебя есть сын, но я не думал, что это правда.

Шэнь Лантин развернулся и ушел на балкон, прислонившись к стене. Он закурил, небрежно перебирая телефон. Мэн Цзиньчэнь все еще не ушел. Шэнь Лантин невольно восхитился

толстокожестью этого человека.

— Откуда Мэн Цзиньчэнь узнал мой адрес?

— Тебя это не касается, — сухо ответил Шэнь Лантин, словно приняв обет безразличия.

Бэньбэнь, наконец надевший штанишки, выбежал в гостиную. Его пухлое тельце вытянулось в струнку, и он с гордостью позвал:

— Папа! Я надел!

Бэньбэнь сник, обнял его за шею, пытаясь поластиться:

— Нет...

— Оказывается, малыша зовут Сюйчуань. Какое прекрасное имя.

В этом вопросе сквозило негодование, подозрение и даже доля обиды. Бэньбэнь съежился, жалобно глядя на него.

— Окей! — Мэн Цзиньчэнь кивнул с улыбкой, перед уходом не забыв бросить еще один взгляд на Бэньбэня. — Малыш, дядя придет навестить тебя в другой раз.

— Тогда я должен быстрее вырасти, — пробормотал Бэньбэнь, едва выговаривая слова.

Шэнь Лантин перестал смотреть на гостя, взял сына за ножку и нахмурился:

— Почему ты такой холодный? Опять баловался, пока одевался?

— Еще и врешь? — Шэнь Лантин нахмурился еще сильнее и строго отчитал: — Шэнь Сюйчуань, папа же говорил, что за ложь нужно платить.

Мэн Цзиньчэнь испугался, подавленный аурой мужчины. Недовольно дернув уголком рта, он попятился к двери:

— Увидимся. Если не хочешь видеть меня, это не значит, что нужно игнорировать Толстяка и Юань Чи.

Шэнь Лантин в награду поцеловал сына:

— Умница.

В мгновение ока улыбка исчезла с лица Мэн Цзиньчэня, глаза потемнели от злобы, являя его истинное лицо:

— Ты правда так со мной?

Шэнь Лантин развернулся и заслонил собой сына. Вскинув бровь, он произнес ледяным тоном:

— Мой сын здесь, я не хочу говорить грубости. Если ты не уберешься, ты знаешь мой характер — я действительно выброшу тебя из окна.

Входная дверь захлопнулась, в квартире воцарилась тишина. Мэн Цзиньчэнь опустил глаза и едва слышно усмехнулся:

— Как твой сын может быть не связан со мной?

Бэньбэнь, лежа на плече отца, прошептал:

— Папа, тот странный дядя — плохой человек?

Мир ребенка прост: он знает только хороших и плохих, не понимая, что в мире много разных людей. Возможно, он не плохой, просто у него другие цели.

— Прошло несколько лет, а ты ничуть не изменился, все так же любишь махать кулаками.

Шэнь Лантин остался непреклонен, указав на дверь:

— В последний раз говорю: вон.

— Лантин, это правда твой сын? — Мэн Цзиньчэнь был поражен.

Мэн Цзиньчэнь: ...

Шэнь Лантин не отреагировал. Он испытывал к нему такое отвращение, что не хотел тратить ни слова. Шэнь Лантин подошел к Бэньбэню, ловко подхватил малыша на руки и тихо сказал:

— Разве папа не говорил тебе держаться подальше от странных дядей?

Закончив курить, он позвонил Сюй Тэнхаю. Бэньбэнь взглянул на странного дядю и послушно кивнул:

— Понял, папа.

Шэнь Лантин нежно погладил Бэньбэня по голове:

— Это слишком сложно, ты не поймешь. Некоторые вещи нельзя торопить. Папа со временем научит тебя отличать настоящих хороших людей от плохих. Когда вырастешь, поймешь.

Шэнь Лантин усмехнулся про себя, не желая больше тратить время. Как раз когда он

собирался схватить гостя за шиворот и вышвырнуть его, из спальни слышались звуки.

— Это?.. — взгляд Мэн Цзиньчэня тут же переключился на ребенка. — Малыш, дай угадаю, ты сын Лантина?

Его голос был ровным, но исходящую от него ярость невозможно было игнорировать. Он опустил ребенка на ковер, дал ему две машинки, и Бэньбэнь с радостью начал играть.

Шэнь Лантин не стал ходить вокруг да около и спросил прямо. Сюй Тэнхай на том конце провода замялся, по тону поняв, что тот в ярости, и поспешил оправдаться:

— Это не я, Лантин! Он действительно спрашивал, но я не посмел сказать. Я знал, что ты не хочешь его видеть, поэтому дважды отказал.

К концу фразы Толстяк звучал совершенно обиженно.

Шэнь Лантин помрачнел, но не смягчился:

— Если не ты, значит, Юань Чи.

— Это ты сказал, я такого не говорил! — Сюй Тэнхай скривился. — Лантин, город С такой маленький, все друг друга знают. Если он действительно захочет тебя найти, думаешь, не найдет?

В этом была правда. Мэн Цзиньчэнь хоть и уезжал из города на несколько лет, но влияние его семьи было велико, да и связи имелись. Почти все друзья Шэнь Лантина были знакомы с ним.

Шэнь Лантин закурил новую сигарету и не стал больше расспрашивать, сменив тему:

— Ты связался со страховой компанией?

Сюй Тэнхай вздохнул с облегчением:

— Все готово. Моя тетя — заместитель директора в страховой компании ХХ, она лично распорядилась, чтобы все оформили.

— Хорошо, — Шэнь Лантин был доволен. — Назначь время для подписания контракта, сообщишь.

— Понял! — живо отозвался Сюй Тэнхай.

Повесив трубку, Шэнь Лантин затянулся. Он привык к свободе с самого детства. Отец не занимался его воспитанием, а когда спохватился, было уже поздно. Шэнь Лантин ненавидел, когда его ограничивали.

С восемнадцати лет, получив права, он был одержим гонками. Прошло шесть или семь лет, он участвовал в бесчисленных заездах, знал вкус поражений и периоды спада. Но он никогда не

боялся. Когда он сидел в своем тюнингованном болиде, сжимая руль, и чувствовал скорость, он был по-настоящему счастлив. В тот момент все проблемы отступали на второй план.

Теперь все иначе. У него есть сын, он больше не вольный стрелок. У него есть слабость, есть тот, за кого он переживает. А у того, у кого есть слабость, появляется и страх. Шэнь-шао, который всегда ценил свободу и скорость, начал покупать огромные страховки ради сына.

Он на мгновение задумался, а потом обернулся и посмотрел через стекло в гостиную, как раз встретившись взглядом с Бэньбэнем. Тот решил, что папа зовет его, и радостно побежал к стеклу, прижимаясь к нему ладошками:

— Папа! Папа!

Шэнь Лантин стряхнул пепел и махнул рукой:

— Папа курит, отойди подальше.

Бэньбэнь не расслышал, но по жесту отца понял смысл и, надув губки, расстроенно отошел.

На выходных в городе С небо было ясным. Существует много видов гонок, но если говорить просто, их можно разделить на три типа: на трассе, вне трассы и другие. Соревнования, организованные спортивным комитетом района Сяншань, относились к третьему типу — дрифт-гонки.

Как следует из названия, здесь важна не скорость, а техника. Это скорее развлекательные соревнования с высокой безопасностью. На трассе расставлены препятствия, а профессиональные судьи оценивают мастерство пилотов.

Площадка, предоставленная комитетом, находилась в пригороде, на территории огромного спортивного центра «Новый мир», где проводились многие важные соревнования, включая международные. Но так как это были городские любительские гонки, масштаб был скромнее.

Поскольку в индустрии часто случались диверсии, многие клубы привозили свои болиды за день до старта, чтобы персонал мог провести техосмотр и охрану. Шэнь Лантин приехал с командой рано, попросив Толстяка забрать его и Бэньбэня из дома.

Прибыв на место, он пронес Бэньбэня по длинному коридору в выставочный зал, где в ряд стояли модифицированные суперкары. Шэнь Лантин подал знак персоналу. Двое сотрудников потянули за края чехлов, и перед ними предстал болид «Кенигсегг Тревита» в новой пленке.

Двухдверное купе с задним приводом и двигателем в центре. Раньше серебристо-серый, теперь он был перекрашен в кричащий цвет «шмеля», сверкая так, будто его натерли детским маслом. На дверях красовались буквы FY, а чуть ниже добавились SLT — это значило, что машина была

«эксклюзивной женой» Шэнь Лантина. Несмотря на вызывающий вид, она не теряла своей роскоши.

Это был не просто дорогой суперкар, а одна из самых редких моделей в мире: лимитированная серия, двойной двигатель V8, 1018 лошадиных сил. Она могла привлечь внимание любого автолюбителя. Шэнь Лантин называл ее «красивой и сильной женой». Хотя для «Формулы-1» она не подходила, для уличных гонок и шоу-заездов была идеальна.

— Черт! Красотка стала еще краше! — хотя Сюй Тэнхай видел ее сотни раз, он каждый раз приходил в восторг и был готов на нее наброситься, но Шэнь Лантин не позволял ему даже прикоснуться.

Бэньбэнь тоже был в восторге от яркого цвета, указывая на машину:

— Папа, как дома!

Дома стояла модель, а теперь он видел оригинал и тоже хотел посидеть внутри. Шэнь Лантин открыл дверь и посадил малыша за руль. Он присел рядом, положил ручки Бэньбэня на руль и улыбнулся:

— Сюйчуань, когда подрастишь, папа разрешит тебе сидеть на пассажирском кресле в качестве штурмана.

Бэньбэнь не понял, но радостно кивнул, крутя руль:

— Понял, папа!

— Лантин, ты даешь! Бэньбэню сколько лет, а ты уже учишь его «скорости и ярости».

В разговор кто-то вмешался. Шэнь Лантин, не оборачиваясь, понял, кто это, и ответил:

— Посмотри, чей это сын.

Он говорил с гордостью, присущей любому отцу такого ребенка. Он выпрямился, опершись одной рукой о дверь, другой о крышу, и небрежно обернулся, увидев Юань Чи и стоявшего рядом Мэн Цзиньчэня.

Все взгляды скрестились между Шэнь Лантином и Мэн Цзиньчэнем. Даже Бэньбэнь, сидя в машине, почувствовал неладное и с любопытством оглянулся.

— Лантин, мы пришли, — Юань Чи, боясь неловкости, первым нарушил тишину, по привычке взъерошив свои синие волосы.

Сюй Тэнхай, оценив обстановку, решил стать невидимкой. Он пихнул Шэнь Лантина локтем, вытащил Бэньбэня из машины и поспешно унес ребенка, чтобы избежать «поля битвы». Шэнь Лантин даже не дернулся, лишь бросил в спину Толстяку:

— У Сюйчуаня памперс еще не поменян!

— Знаю, знаю! — махнул рукой Сюй Тэнхай, не оборачиваясь.

Вскоре Толстяк и Бэньбэнь исчезли в дверях зала. Шэнь Лантин снова посмотрел на Юань Чи и усмехнулся:

— Юань-шуай, ты опоздал.

— Дела задержали. Лантин, наша команда подала четыре заявки, но один приболел и не смог прийти... — Юань Чи покосился на Мэн Цзиньчэнь, — как раз Цзиньчэнь вернулся, решили, что он выручит.

— Можно, — безразлично кивнул Шэнь Лантин. — Раньше вы двое работали слаженнее всех.

— Что ты, раньше у вас с Цзиньчэнем была лучшая... — Юань Чи вовремя прикусил язык, перестраивая фразу.

Мэн Цзиньчэнь, до этого молчавший, улыбнулся:

— Юань-шуай прав, у нас действительно было лучшее взаимопонимание.

Шэнь Лантин вскинул бровь, бросив на него взгляд в духе «кто тебе позволил быть таким уверенным»:

— Не стоит вспоминать прошлое. Что было, то прошло, надо смотреть вперед.

— Кто-то может отпустить прошлое, а кто-то нет, — Мэн Цзиньчэнь сделал шаг вперед, его взгляд становился все горячее.

Они обменивались колкостями, и атмосфера накалялась. Юань Чи пожалел, что не убежал вместе с Толстяком. У него вспотели ладони, он боялся, что эти двое прямо сейчас сцепятся в драке. К счастью, Шэнь Лантин держался спокойно, с равнодушным видом, но чем безразличнее он был, тем ниже падало давление вокруг Мэн Цзиньчэня.

— Братаны... — Юань Чи выдавил смешок, встав между ними. Он чувствовал себя как в сэндвиче, зажатый между огнем и льдом. — Цзиньчэнь наконец вернулся, мы же все братья, давайте мирно покатаемся на трассе, а остальное обсудим потом. — Он говорил это, как заклинание, подмигивая Мэн Цзиньчэню. — Цзиньчэнь, не торопись. Ты тогда ушел, не сказав ни слова, а теперь внезапно вернулся. Нужно дать ребятам время привыкнуть. Всему свое время, поспешишь — людей насмешишь, ты же должен это понимать.

Шэнь Лантин молчал с каменным лицом, что сильно давило на Юань Чи. Тот внезапно оживился:

— Точно, Лантин! Цзиньчэнь вернулся с самыми искренними намерениями. Он даже привез тебе подарок! Тот красный суперкар снаружи — это он тебе купил! Посмотри, какая щедрость,

мы с Толстяком просто обзавидовались!

Шэнь Лантин еще до входа в зал заметил новую машину. Он взглянул на нее, но особого восторга не испытал. Он лишь растянул губы в странной улыбке:

— «Лайкан Суперспорт», лимитированный спорткар стоимостью 3,5 миллиона долларов. Разгон до 60 миль за 2,8 секунды, фары с бриллиантами, голографический дисплей. Выпускают всего три штуки в год. Первый купил американский богач, второй у тебя, а третий... — он сделал паузу, и его улыбка стала еще шире, словно он насмехался над ними, — как удачно, стоит в моем гараже и ждет своей очереди.

Он небрежно закончил фразу, просто лишив остальных дара речи.

Суть была в том, что какие бы дорогие и роскошные машины ни были, Шэнь-шао в них не нуждался и не был ими впечатлен.

<http://bllate.org/book/21418/2187210>